

культура

Пушкин и злая баба

Театр «Эрмитаж» рассказал о том, что поэта погубила ловкость рук

Театр «Эрмитаж» — место странное, недаром это французское слово означает хижину отшельника. Его художественный руководитель, режиссер и писатель Михаил Левитин, только что выпустивший очередную премьеру — спектакль «Изверг» одно время был на пике театральной моды и открывал для сцены Обзериутов, попутно изобретая собственный, адекватный Олеше и Хармсу театральный язык. Его профессиональная биография длинна: гремел и «Мокинопотт», поставленный им на Таганке, и «Странствия Билли Пилигрима», выпущенные в Театре Армии — еще Советской, Начальство его Левитина, актеры его обожали, в конце концов профессиональная судьба привела его в Театр миниатюр, со временем ставший Эрмитажем. Здесь он и работает — и второго такого неровного театра в Москве нет.

Алексей ФИЛИППОВ

Проваливается Левитин с треском, его успехи (по крайней мере, на мой взгляд) всегда значительны. Впрочем, для него самого все обстоит иначе: Левитин ведет диалог не со зрителем, а с собой, и ему важно все, что он говорит со сцены. Это скорее писательский

ра он говорил о том, что все бабы шлюхи; в своем «Азефе» рассказывал о биороботе, человеке без совести и сердца. Эти спектакли различаются по качеству, различен и уровень заложенной в них мысли — вчуже кажется, что одно тесно связано с другим.

«Изверга» написал сам Михаил Левитин — в виду имеется Александр Сергеевич Пушкин. Но он появится на сцене только раз — пройдет на цыпочках, по краешку, приговаривая нечто осторожно-успокоительное, и удалится в свой кабинет. Александр Сергеевич не пожелал тревожить расположившихся в комнате дам и исчез.

На самом деле речь здесь идет о дальней пушкинской родственнице Идалии Полетике. Левитин рассказывает о том, что было на самом деле: поэт повел себя некорректно и страшно обидел даму. Так все обстоит и в спектакле: каре-

та, Полетика (Ольга Левитина), Пушкин (Арсений Ковальский), здесь же присутствует и Натали (Ирина Качуро). Шустрый Пушкин сунул даме руку под юбку и пулей вылетел на улицу, а Идалия забилась в истерику. Так начинается эта история и рассказывает она вовсе не о том, как поэт съедает светское общество. Общество тут вообще ни при чем: все дело в том, что бабе нравится мужчина, а она не хочет признаться в этом даже самой себе. И жрет его поедом, доводит до могилы, сводит с ним счеты и после смерти обидчика. Все оказывается напрасным: через сорок лет после дуэли на Черной речке простонародье считает бедную Полетику то ли вдовой, то ли любовницей Пушкина, и одесситы ставят памятник поэту прямо под ее окнами. Она, конечно, пытается его оплевать, но сильно ли повредит плевком чугунной статуе?

Левитин-драматург написал интересный текст, Левитин-режиссер постарался, чтобы этого никто не заметил. Он и всегда-то работает в резкой, острой, экспрессивной манере, а тут все это сошлось на играющей Полетике Ольге Левитиной: она изображает не даму, а карикатуру, глупую, похотливую и злую кошку. Это не слишком интересно, к тому же по всем швам трещит сюжетная логика. Одно дело, если гения губит умная и сильная, тайно влюбленная в него женщина, совсем другое, если с ним разделалось вedomое инстинктами человекоподобное существо — это уже похоже на анекдот. Три с половиной часа для него многовато.

В спектакле много отлично придуманных вещей. Хорош император Игоря Письменного, не человек, а ожившая статуя — маленький, толстенький, закутанный в

черный плащ-тогу, с периодическими какающим голубем на голове. Прелестен одесский базар: полураздетые пузатые пейзажи замерли как фигуры на античном барельефе, им так жарко, что они не то что пошевелиться — и голоса-то повысить не могут. Интересна, наконец, сама идея ЖЗЛ наоборот, когда национальная гордость предстает не в золоченой раме, а в обрамлении замочной скважины... А спектакль пока не сложился, не нашел своей интонации — и его кидает из стороны в сторону, он то скучен, то охален.

Как авторское высказывание он вполне ясен (злая женщина никого не доведет до добра — с этой мыслью спорить не приходится). Каков он в качестве адресованной зрителю истории, станет ясно через несколько представлений — работам Михаила Левитина свойственно расти.

подход к профессии (хотя о том, как будет распродаваться тираж, нынче думает и литератор). А художника Эрмитажа успех, конечно, забывает, но он для него не главное. Левитин ставит Введенского, Маркеса и Хармса, ставит и свои собственные пьесы; в основе его работ всегда лежит очень простая и ясная мысль. В «Леокадии и десяти бесстыдных сценах» Шницле-

Левитин
Михаил

24.12.03

ИЗВЕСТИЯ 2003 - 24 дек - с 14